

Д.П. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: alkaddafa@gmail.com

К вопросу о гетерогенности сюнну

Происхождение сюнну (автор предпочитает использовать именно этот, близкий к китайскому произношению, вариант наименования) является актуальным вопросом археологии Евразии. С учетом того, что в восточной части «скифского мира» изменения культур были более плавными, чем на Саяно-Алтае, изучение «корней» сюнну касается не только гунно-сарматского времени, но и раннего железного века. Отметим, что в эпоху ранних кочевников на территории «восточной провинции скифского мира» явно выделяются культуры маоцингоу, янлан, шацзин, иногда именуемая «культурой» группа памятников таохунбала и другие (в т.ч. синкретичные с китайской обрядностью, вроде памятников царства Чжуншань). Исследователи (Н.В. Полосьмак, С.А. Комиссаров, А.В. Варенов, П.И. Шульга и др.) делали акцент на различных типах источников, прежде всего – археологических. Некоторые, как А.А. Ковалев, пытались связать исторические «этнонимы» с археологическими памятниками и нарративными сообщениями о прародине сюнну. В настоящей статье, привлекая материалы естественно-научных исследований, данные письменных источников и раскопок, автор приходит к выводу о гетерогенности сюнну даже в эпоху великодержавия. В более раннюю эпоху (до III в. до н.э.) шло объединение групп с похожей материальной культурой, и вычленить «тех самых» первородных сюнну представляется весьма сложной задачей. После поражений от Хань сюнну снова утратили единство, что очень хорошо видно на памятниках их «северной» и «южной» ветвей. Вероятно, в отношении сюнну следует говорить не столько об этногенезе или происхождении народа, сколько о формировании политической общности.

Ключевые слова: сюнну, генетика, этногенез, эпоха Хань, культура янлан, западные жуны.

D.P. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: alkaddafa@gmail.com

On the Heterogeneity of the Xiongnu

The origin of the Xiongnu is a current problem in the Eurasian archaeology. Since cultural changes in the eastern part of the “Scythian world” were more gradual than in the Sayan-Altai region, the study of the Xiongnu “roots” concerns not only the Hun-Sarmatian period but also the Early Iron Age. In the time of the early nomads in the “eastern province of the Scythian world” there were the Maoqinggou, Yanlang, and Shajing cultures, group of Taohongbala tombs (sometimes known as “culture”) and others (including some syncretic with Chinese rituals, similar to the monuments of the Zhongshan Kingdom). Scholars (N.V. Polosmak, S.A. Komissarov, A.V. Varenov, P.I. Shulga, etc.) have focused on various types of sources, primarily archaeological. Some, like A.A. Kovalev, attempted to link historical ethnic names with archaeological sites and narrative accounts about the Xiongnu homeland. In this article, using the evidence from the scholarly studies, written sources, and excavation data, the author concludes that the Xiongnu were heterogeneous even during the imperial era. Groups with similar material cultures were consolidating in the earlier period (before the 3rd century BC), and identifying those “primordial” Xiongnu appears to be a highly complex task. After defeats by the Han, the Xiongnu lost their unity again, which is clearly visible in the monuments of their “northern” and “southern” branches. Regarding the Xiongnu, one should probably speak not so much about the ethnogenesis or the origin of the people, but more of the emergence of a political community.

Keywords: Xiongnu, genetics, ethnogenesis, Han period, Yanglang culture, Western Rongs.

Идея восприятия сюнну не в этническом, а, если можно так выразиться, в политическом измерении подтверждается письменными источниками. В «Исто-

рических записках» (раздел «Жизнеописание хунну», цзюань 110), говорится, что «лоулань, усунь, хуцзе и двадцать шесть окружающих их государств вместе

стали одной семьей с сюнну»*. В ходе установления своего влияния на владения цзююши (к северо-западу от Турфана) сюнну включили местное население в свой состав, получив дополнительные четыре тысячи всадников. Об этом рассказывает «Хань Шу» (раздел «Жизнеописание хунну», цзюань 96) [Сы И и др., 2013, с. 6].

Естественно, после формирования централизованной державы среди подданных шаньюя стало складываться определенное единообразие. Мы можем говорить и о том, что даже после своего разделения сюнну сохраняли самоопределение. Яркий пример этого – южная ветвь, постепенно «китаизировавшаяся» в культурном смысле** [Цзян Лу, 2011], но, очевидно, не утратившая воспоминаний о происхождении (по крайней мере в среде элиты)***. Впрочем, все вышесказанное относится к истории после завоеваний Модэ. Сомнительно, что подобная картина наблюдалась в более ранние периоды, до объединительных походов. При этом для эпохи великодержавия существует ряд «белых пятен». Например, существует дискуссия вокруг языковой принадлежности сюнну, и между сторонниками монгольской и тюркской теорий не утихают споры.

После почти полувека антропологических и археологических исследований накоплено достаточно доказательств того, что большинство сюнну принадлежит к монголоидной расе. Впрочем, антропологические изыскания последних десятилетий указали и на определенную долю европеоидов.

Китайские исследователи (Цай Давэй, Чэнь Си, Чжао Синь, Чжу Хун, Чжоу Хуэй) констатируют, что, в рамках сделанной ими подборки из 46 последовательностей из памятников сюнну****, 89 % принадлежали к гаплогруппам А (17,4 %), В4b (2,2 %),

* При передаче современной иероглификой: «定陵、乌孙、呼揭及其旁二十六国，皆以为匈奴并为一家人» [Сы И и др., 2013, с. 6].

** Об этом, кроме прочего, свидетельствуют захоронения, связываемые с южными сюнну. Также необходимо отметить, что северные регионы империи Хань были весьма специфичны в плане погребального обряда, т.к. между поселенцами-земледельцами из Китая и номадами возникал весьма своеобразный культурный обмен [Цзян Лу, 2015]. Особенно подобные процессы ускорились при императоре У-ди в связи с его активной политикой заселения рубежей, однако началось все существенно раньше, в период Чуньцю [Ли Хайцзюнь, 2017]. Подтверждения этому – контакты Цинь и Чжао с кочевниками, основанное «белыми ди» царство Чжуншань и т.д.

*** Интересно, что именно китаизированные сюнну создали на рубеже III–IV в. Северную Хань, пользуясь тем, что фамилия пришедшей к власти династии Лю совпадала с правящим родом потомков ханьского Лю Бана. Возможно, они и правда были родственниками, учитывая обычай выдавать китайский принцесс (иногда фактически удочеренных императорами) за кочевую знать.

**** Впрочем, данные подборки по заявлениям авторов пока далеки от желаемой полноты.

С (13 %), D4 (36,9 %), D5/D5a (4,3 %), F1b (8,7 %), G2a (2,2 %) и M (4,3 %), все из которых достаточно типичны для региона. Среди них D4, который имеет самую высокую частоту, широко распространена на памятниках эпохи ранних кочевников в Северном Китае. Например, высокая частота D4 обнаружена на могильниках раннего железного века Вандаху и Чжунчжуан***** [Цай Давэй и др., 2015, с. 312].

Материалы Вандаху весьма скромно представлены в отечественной науке, к настоящему моменту имеется только несколько публикаций (в т.ч., с участием автора настоящей работы [Шульга, Шульга, 2019]). Некрополь примечателен по нескольким причинам. Во-первых, обилие жертвенных животных и сопроводительного инвентаря показывает достаточно высокий уровень развития производственных сил, равно как и наличие устойчивых представлений о социальной стратификации*****. Во-вторых, определенное количество ценных китайских изделий, наиболее ярким из которых является биметаллический меч из погр. М4. Обращает на себя внимание и погр. М1. Здесь был похоронен мужчина в возрасте ок. 40 лет, судя по характерным колесничным удилам и обилию конских черепов***** – воин (возможно, колесничий).

В китайской исторической и археологической литературе Вандаху традиционно связывают с «западными жунами», что, казалось бы, должно противоречить идеям о связях культуры янлан с последующим наследием сюнну. Но здесь следует учитывать тот факт, что «народы» древнекитайских авторов подразумевали скорее политические, а не этнографические общности. Наименование «западные жуны» продолжало существовать еще в приписываемом Чжугэ Ляну (181–234 гг. н.э.) трактате «Вертоград полководца» (соответствующий раздел был переведен нами еще в 2012 г.). Там данный «этноним» просто описывает «варваров» одной из четырех сторон света*****.

***** Оба в уезде Пэнъян, Нинся-Хуэйский АР КНР.

***** При этом нужно понимать, что в рамках той же общности, оставившей памятники культуры янлан, существовали и еще более богатые, элитные некрополи, напр., Мацзяюань.

***** Из 25 черепов жертвенных животных 14 – лошадиные [Шульга, Шульга, 2021, с. 457].

***** «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племен и народов, край тот обширен, местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий».

На наш взгляд, для сложения государства сюнну, включавшего в свой состав различные группы населения (как оседлого, так и кочевого), первопричиной стало достижение (в период Восточной Чжоу) скотоводческими обществами раннегосударственного уровня социально-политического развития*. Происходило это в тесном контакте с северо-западными царствами «хуася»**. Скажем, есть основания полагать, что элита «западных жунов» органично встроилась в структуру Цинь, оставив после себя погребальные сооружения в могильнике Мацзяюань, сопоставимые с уровнем высшей китайской знати. В какой-то мере данный эпизод сопоставим с начальным периодом образования «полуварварского» царства Чжуншань***, образованного скотовами «сяньюй» из «белых ди».

Развивая мысль, можно сказать, что к III в. до н.э. «Центральная равнина Китая» породила феномен ранних империй, а кочевники к северу от нее – первую крупную кочевую державу. Точно также, как Хань достаточно легко заменила Цинь, сохранив (пусть и сгладив) основные элементы, одни группы кочевников могли сменять друг друга в качестве правящей династии (группы). Ключевым, на взгляд автора, является неоспоримый факт, что еще в скифское время был создан «базис» для появления государства шаньюев. Генетические данные, при всей их неполноте и сложностях трактовки, косвенно подтверждают автохтонность происхождения основной массы подданных государства сюнну (что, при этом, не отменяет их гетерогенности, ведь даже «восточная провинция скифского мира» раскинулась, говоря современными категориями, от Хэбэя до восточных границ Синьцзяна****).

* Иллюстрацией здесь могут служить «восемь государств западных жунов» периода Чуньцю (西戎八国).

** Китайские царства также переживали в IV–III вв. до н.э. период активной борьбы за объединение.

*** Однако в отличие от памятников, связываемых с «сяньюй», культура янлан хорошо представлена многочисленными могильниками от начала ее формирования в первой половине VI в. до н.э. до завершения элитных захоронений в конце III – начале II в. до н.э. При этом в Чжуншань мы видим один из первых примеров далее часто бытовавшей в Китае модели, когда «внешняя» династия устанавливала свою власть в части Поднебесной, сильно китаизировалась, но полностью культурных особенностей не теряла. Это хорошо отслеживается, скажем, в принятии погребального обряда «хуася» при сохранении в искусстве элементов «скифского звериного стиля».

**** В контексте столь значительных дистанций, еще раз обратим внимание на зыбкость выводов о привязке археологических культур к этническим группам. Даже такие известные по нарративным источникам общности, как юэцжи, не могут быть бесспорно определены географически. Так, высказывалось обоснованное мнение, что приводимые в Ши Ци ориентиры расположения – «между [округом]

Поиск «изначальных корней» сюнну***** выявил для научного сообщества массу деталей материальной культуры ранних кочевников*****. Но, весьма вероятно, что правы (по-своему) были едва ли не все исследователи. Сюнну, если так можно выразиться, стали «продуктом» всех северо-китайских культур раннего железного века. Когда в ходе завоеваний эти земли объединялись, а затем совершались походы до Забайкалья и Тарима, формировалась *политическая общность******, включившая различные расы, языковые группы и т.п. В то же время, как показывает генетика, из того же «корня» вышли и иные объединения кочевников, например, сяньби. Другими (относительно сюнну) их делало не столько происхождение*****, сколько амбиции по созданию собственной державы*****.

Благодарности

Работа выполнена по гранту РНФ № 24-48-03017 «Междисциплинарное исследование коллекции текстиля из Ноин-улинских курганов 20, 22, 31 (раскопки российско-монгольской экспедиции 2006–2012 гг., Монголия)».

Дуньхуан и [хребтом] Цилян» находятся не в Ганьсу, а к северо-западу от Ганьсу – в восточной части Тянь-Шаня до г. Турфана [Шульга, Шульга, 2020, с. 18]. При этом скифоидные памятники на территории СУАР кардинально отличаются от таковых в Ганьсу и Внутренней Монголии. Подобные спорные ситуации должны предостерегать исследовательское сообщество от скоропалительных выводов.

***** Данная дискуссия была замечательно описана в диссертационном исследовании Ван Пэна [Ван Пэн, 2024, с. 198–209].

***** Например, можно отметить подробный разбор Н.В. Полосымак материалов могильника Даодунцы.

***** Стоит отметить, что распространение влияния сюнну серьезнейшим образом изменило культурный облик вовлеченных территорий (погребальный обряд, внешний облик и т.д.). Достаточно сказать, что в некоторых регионах претерпел изменения даже тип хозяйствования. Свидетельства тому можно найти в работе китайских коллег, которые, проанализировав костные останки из могильника Янхай в СУАР, пришли к выводу о росте потребления мяса и переходе населения на «кочевую диету» начиная с эпохи Хань, т.е. как раз в эпоху великодержавия сюнну [Сы И и др., 2013].

***** Особенно сложно было говорить о «единстве корней» после покорения заметных по количеству масс оседлого населения и включения образованных китайских чиновников в управление.

***** Естественно, в своих политических стремлениях сяньби активно использовали как наработки предшественников-сюнну, так и копившийся еще с эпохи Чжаньго опыт взаимодействия кочевников с царствами Китая, в т.ч. построения «оседлого государства с кочевой (по происхождению) династией».

Список литературы

Ван Пэн. Российско-китайский академический дискурс по проблемам археологии бронзового и раннего железного веков Северного и Северо-Западного Китая и Южной Сибири России: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2024. – 404 с.

Ли Хайцюнь. Лянхань шици сюнну дуй си юй дэ цзин ин хэ тун чжи (Правление хунну в западных регионах во времена династии Хань) // *Guangxi Social Sciences*. – 2017. – № 12. – С. 118–122 (на кит. яз.).

Сы И, Люй Энью, Ли Сяо, Цзян Хунэнь, Ху Яоу, Ван Чансуй. Синьцзян Янхай муди сянь минь дэ ши у цзе гоу цзи жэнь цюнь цзучэн таньсо (Исследование структуры питания и состава древнего населения по материалам могильника Янхай в Синьцзяне) // Научный бюллетень (Кэсюэ тунбао). – 2013. – №58 (15). – С. 1–8 (на кит. яз.).

Цай Давэй, Чэнь Си, Чжао Синь, Чжу Хун, Чжоу Хуэй. Мэнгу го Хулаха шаньгу М21 хао сюнну му чжу дэ сяньлито DNA фэньси таньтао (Анализ митохондриальной ДНК усопшего из хуннского погребения М21 в долине Хулаха, Монголия) // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. – 2015. – № 13. – С. 140–144 (на кит. яз.).

Цзян Лу. Бэйфан дицью хань му гэцзюй яньбянь юй ханьдай бяньцзян чжэнцэ дэ гуаньси (Связь между эволюцией ханьской захоронений в северном регионе и пограничной политикой династии Хань) // Археология хуася (Хуася каогу). – 2015. – № 3. – С. 84–87 (на кит. яз.).

Цзян Лу. Бэйфан дицью «нань сюнну» муцзан цзай таньтао (Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае) // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. – 2011. – № 1. – С. 244–253 (на кит. яз.).

Шульга Д.П., Шульга П.И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2019. – Т. XXV. – С. 649–655.

Шульга П.И., Шульга Д.П. О миграциях ранних кочевников в Китае и на соседних территориях // *Stratum plus*. – 2020. – № 3. – С. 15–31.

Шульга П.И., Шульга Д.П. Новые материалы по жертвенным животным в погребениях культуры Янлан V–III вв. до н.э. (Китай) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2021 – № 13. – С. 453–466.

dje sjan'li DNA fjen'si tan'tao [Mitochondrial DNA Analysis of M21 Xiongnu Tomb in Hulaha Valley of Mongolia]. *Binjiang Kaogu Yanjiu [Research of China's Frontier Archaeology]*, 2011. No. 13. P. 140–144. (In Chin.).

Czjan Lu. Bjeifan dicjuj «nan' sjunnu» muczan czaj tan'tao [Further Study on the «Southern Xiongnu» Tombs in the Northern Region]. *Binjiang Kaogu Yanjiu [Research of China's Frontier Archaeology]*, 2011. No. 1. P. 244–253. (In Chin.).

Czjan Lu. Bjeifan dicjuj han' mu gjeczjuj jan'bjan' juj han'daj bjan'czjan chzhjencje dje guan'si [The relationship between the evolution of the Han tomb pattern in the northern region and the Han Dynasty's frontier policy]. *Huaxia Kaogu [Huaxia Archaeology]*, 2017. No. 3. P. 84–87. (In Chin.).

Li Hajcjun'. Ljanhan' shici sjunnu duj si juj dje czin in hje tun chzhi (Pravlenie hunnu v zapadnyh regionah vo vremena dinastii Han') [Xiongnu rule in the Western Regions during the Han Dynasty]. *Guangxi Shehui Yanjiu [Guangxi Social Sciences]*, 2017. No. 12. P. 118–122. (In Chin.).

Shulga D.P., Shulga P.I. The Wangdahu Cemetery of the Yanlan Culture in the Ningxia Hui Autonomous Region of China. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 649–655. (In Russ.).

Shulga P.I., Shulga D.P. New Materials on Sacrificial Animals in the Burials of the Yanlan Culture of the 5th–3rd Centuries BCE (China). *Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region*, 2021. No. 13. P. 453–466. (In Russ.).

Shulga P.I., Shulga D.P. On the Migrations of Early Nomads in China and Neighboring Territories. In *Stratum plus*, 2020. No. 3. P. 15–31. (In Russ.).

Sy I, Ljuj Jen'go, Li Sjao, Czjan Hunjen', Hu Jaou, Van Chansuj. Sin'czjan Janhaj mudi sjan' min' dje shi u cze gou czi zhjen' cjun' czuchjen tan'so [Exploration of the food structure and population composition of the ancestors in Yanghai Cemetery in Xinjiang]. *Kexue Tongbao [Scientist Bulletin]*, 2013. No. 58 (15). P. 1–8. (In Chin.).

Wang Peng. Rossiysko-kitayskiy akademicheskii diskurs po problemam arkheologii bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Severnogo i Severo-Zapadnogo Kitaya i Yuzhnoy Sibiri Rossii: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 2024. 404 p. (In Russ.).

References

Caj Davjej, Chjen' Si, Chzhao Sin', Chzhu Hun, Chzhou Hujej. Mjengu go Hulaha shan'gu M21 hao sjunnu mu chzhu

Шульга Д.П. <https://orcid.org/0000-0001-8022-2954>

Дата сдачи рукописи: 31.08.2025 г.